

20 ДЕКАБРЯ 2019, ПЯТНИЦА

Труп обнаружили в один из самых коротких дней года, тех призрачных дней, когда солнце покинуло людей, живущих у полярного круга, и едва заботится о том, чтобы дать им хоть немного света. Тело лежало в фундаменте моста, ведущего через Питеэльвен в сторону ракетной базы, — обнаженное и обезглавленное.

Это была девочка или, возможно, девушка — кто может определенно сказать, где проходит граница? В момент наступления совершеннолетия? Как бы то ни было, все сразу поняли, кому, вне всяких сомнений, однажды принадлежало это тело.

Ее звали София Хельстен, и ей не исполнилось восемнадцати. Стало быть, девочка.

Дочь тогдашнего главы муниципалитета Хильдинга Хельстена пропала, возвращаясь из библиотеки во второй половине летнего грозового дня 1980 года, почти сорока годами ранее. Ее холщовый школьный мешок с книгами обнаружили в канаве неподалеку от Гранселя через несколько дней, но сама она бесследно исчезла. Вплоть до этого декабрьского дня с его свинцовым небом, когда мир стал непрозрачным и начисто лишенным красок. Ее школьная сумка, одежда и бумажник лежали там, где должна была бы находиться голова.

Все могли бы испытать чувство коллективного облегчения, разом перевести дух. Пустота, возникшая после исчезновения Софии Хельстен почти на четыре десятилетия, оставалась в поселке зияющей раной, которая могла затянуться только в одном случае — если девочку найдут и выяснится правда. По этому поводу все были единомышленны. Но теперь все вышло не так, и это объяснялось тем, в каком состоянии ее обнаружили. Безграничное горе и неприкрытая ярость сквозили между строк в сообщениях СМИ об этом событии. Даже Шведское телевидение прислало из Стокгольма свою съемочную группу, чтобы обеспечить качество съемки и звука.

Находка в фундаменте моста глубоко потрясла тех четырех женщин, которые когда-то вместе с Софией Хельстен входили в читательский клуб «Полярный круг». Это событие привело в движение силы, которые десятилетиями старательно сдерживались, взорвало повседневную жизнь, которая, вероятно, никогда и не была по-настоящему гармоничной.

Некоторые сказали бы, что все началось с Викинга Стормберга — одноклассника, в которого некоторые из девочек были влюблены.

Другие указали бы на классовые различия, на то, что девочки происходили из очень разных семей.

Хотя вопрос в том, не началось ли все на самом деле с «Лолиты».

ВЛАДИМИР НАБОКОВ
«ЛОЛИТА»

ВЫБОР
КАРИНЫ БЮРСТРАНД

18 АПРЕЛЯ 1980 ГОДА, ПЯТНИЦА

Апрель, самый капризный из всех месяцев.

Ниже по течению реки погоду можно было бы охарактеризовать как неустойчивую, словно корова на трех ногах: эйфорические солнечные и теплые дни, сулящие вечность, ледяные штормовые ночи, приносящие с собой град и уныние.

Утро той пятницы выдалось серое, с горьким привкусом сырости в воздухе.

Время расставания, время тревоги.

Ступеньки крыльца были покрыты сантиметровым слоем прозрачной наледи — такой, какую и не заметишь, пока не бахнешься об нее копчиком. Прищурившись, Карина отметила, что и тротуар в таком же состоянии, но на улице чуть подальше ей почудилась неровная светло-коричневая полоса песка. Она сделала шаг назад, чтобы взять разбег, и прыгнула. Школьная сумка больно ударила ее по спине, Карина поскользнулась и растянулась во весь рост. Один из муниципальных мусоровозов, зло гудя, проехал совсем близко. Карина показала средний палец его открытому заднему люку. Поднялась, потирая ягодицу — недооценила рикошетный удар сумки. В ней полно библиотечных книг: сегодня последний срок возврата. Два паренька из средних классов прошли мимо по другой стороне улицы, смеясь и показывая на нее пальцами — как смешно, ха-ха. Она послала им воздушный поцелуй. Идиоты.

Карина осторожно двинулась в сторону улицы Кварндаммсвеген. При каждом шаге левой ногой ремень сумки врезался в шею. Это неприятное чувство смешивалось с другими телесными ощущениями: тяжесть в паху от предстоящих месячных, боль в ушибленной ягодице, посасывание под ложечкой. В кладовке лежали лепешки,

а в холодильнике стоял кефир, но ей дико не хотелось есть вместе с Ульрикой.

— Черт, ну и синяк у тебя будет!

Сердце заколотилось, застучало в горле, когда Викинг Стормберг прокатился мимо нее по льду тротуара, раскинув руки, словно на скейте, чтобы удержать равновесие, и широко улыбаясь. У нее перехватило дыхание, она мотнула волосами и почувствовала, что у нее замерзли уши — они покраснели? Не забыла ли она накраситься?

— Как мило с твоей стороны заботиться о моей заднице.

— Послушай, Бенни сегодня не ночевал дома, да?

Она сглотнула и пожала плечами.

— Думаешь, мы с ним спим в одной постели? Инцест — хорошее развлечение в кругу семьи.

Она ускорила шаг, стараясь успевать за Викингом, но от этого боль стала еще нестерпимее.

— Папа и Ларс-Ивар забрали его вчера у *Swampen*, мы с Кристером видели.

В очередной раз оттолкнувшись, Викинг укатил вперед по обледеневшей улице. С ярко-красной шапочкой на голове он напоминал семафорный столб. Очертания его фигуры удалялись, и вот он почти исчез из виду, превратившись в мутный четырехугольник на сером фоне.

Ну что ж. Значит, ее бестолковый старший братец, по крайней мере, жив. Папаша Викинга — шеф полиции в Стентрэске, он и раньше не раз запирал Бенни в камере в полицейском участке, чтобы тот проспался.

Расплывчатая фигура Викинга остановилась возле автобусной остановки и заговорила с другими такими же неясными очертаниями, до Карины долетал их смех. Она знала, что ей пора заказать себе очки — теперь она может прочесть на освещенной таблице в кабинете медсестры только три верхние строчки. Таблица висит на том же месте с одними и теми же буквами еще с тех пор, как Карина пошла в первый класс и могла прочесть самую нижнюю строчку:

Б К Ш Н И К Ы В И К

Уже во втором классе она помнила их наизусть, а в третьем, когда она уже не могла их разглядеть, они отчеканились в памяти, словно высеченные на камне. Но книги она по-прежнему может читать, вблизи она все прекрасно видит, никаких проблем. А видеть, что там на доске, ей и не нужно, она и так прекрасно запоминает то, что говорят учителя.

— У тебя прекрасные оценки, — сказала консультант по профориентации на обязательном собеседовании в девятом классе. — Если ты закончишь трехгодичный курс гимназии¹, то сможешь потом учиться дальше. Мне кажется, общественные науки тебе бы подошли.

Словно какая-то старая тетка в синтетическом шарфике, страдающая недержанием мочи, может знать, что ей подходит, а что нет!

¹ Гимназия в Швеции — профильное трехлетнее (реже двухлетнее) образование по окончании средней школы. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Меня вполне устроят «продажи и офисная работа», — ответила Карина, поднялась и вышла вон.

Стоять за прилавком или работать в офисе можно в любой точке мира. Она уедет отсюда и будет сама себя содержать, как только это станет возможно практически и физически. Первое, что ей следует завести себе, — это контактные линзы, а еще дверь, которую можно закрыть за собой, вернее, которую можно закрыть перед носом у Ульрики, и тогда можно начать жить.

Автобус *Norrbottens trafik* загудел на вершине холма у нее за спиной, она замедлила шаг, чтобы компания, обступившая Викинга Стормберга, успела залезть в автобус, прежде чем она пройдет мимо автобусной остановки. Все учащиеся практических направлений, где требовались особые помещения (автодело, водопровод и канализация, уход за больными), ездили на автобусе в Эльвсбюн — ближе к побережью, к будущему. Гимназия в Стентрэске располагалась в том же здании, что и общеобразовательная школа, и предлагала лишь самые распространенные из теоретических направлений.

Весной Карина сдаст выпускные экзамены в гимназии. Осталось меньше двух месяцев.

Подумать только, многие отсиживают по три года в гимназии только ради того, чтобы надеть на себя белую студенческую фуражку. Ее это нисколько не волнует. Она все равно ни за что на свете не напялила бы на себя эту дурацкую кепку — ни за что на свете.

— Привет, Карина! Сегодня читательский клуб!

Это Сусанна окликнула ее из толпы протискивающих-ся в автобус. Она выбрала гуманитарную специализацию, полуклассический вариант, латынь и прочую ерунду, чего нет в Стентрэске. Карина не могла разглядеть ее в толпе, но подняла руку в знак приветствия: ясное дело, она не забыла. Ведь сегодня будут обсуждать ее книгу — ту, которую она выбрала.

Она пришла рано. Как обычно. Библиотека находилась в том же здании, что и Кварндаммская школа, помещения администрации муниципалитета и полицейский участок — строго говоря, она еще не открылась, но Астрид, библиотечарша,пустила Карину.

— Мне удалось обнаружить экземпляр «Прозрачных вещей»¹ — он тебя по-прежнему интересуется?

Предпоследний заверченный роман Набокова? Интересует ли он ее?!

— Да, спасибо, — ответила Карина и со стуком поставила сумку с книгами на фанерный прилавок для возврата книг. — Могу я оставить себе «Лолиту» до вечера, пока мы не закончим? Я поставлю ее на место до того, как мы разойдемся.

Читательский клуб, со временем получивший название «Полярный круг», хотя и не по предложению Карины, собирался по пятницам раз в месяц в дальней комнате за

¹ Роман Владимира Набокова на английском языке, впервые изданный в США в 1972 году.

детским отделом. Обычно эта комната служила для чтения вслух сказок и занятий по аппликации. Обставлена она была крошечной мебелью и украшена глянцевыми детскими плакатами, но девочки обычно притаскивали несколько мешков-кресел из отдела подростковой литературы.

— Хорошо. Но поставь ее потом, пожалуйста, на полку, где она должна быть. Я отмечу, что ты ее сдала.

Привычными и четкими движениями Астрид вычеркнула из списка сданные книги. Карина бросила взгляд на свои наручные часы. Руки Микки Мауса — или, может быть, лапки? — показывали на восьмерку и девятку. До начала уроков оставалось сорок пять минут. Карина положила «Лолиту» обратно в сумку.

На самом деле ей больше нравилась «Ада, или Эротиада», но ей не удалось найти эту книгу в переводе на шведский, и потому она выбрала самое известное произведение Набокова, когда настала ее очередь предлагать книгу для обсуждения в книжном клубе. Если уж говорить совсем честно, «Ада» может оказаться слишком сложной для некоторых членов клуба, не называя имен. Ах, какое магическое, почти головокружительное чувство — следить за жизнью Ады и Ван Вина и историей их любви в альтернативном мире под названием Демония или Антитерра. Карине очень хотелось с кем-нибудь обсудить эту книгу, но ее, пожалуй, больше никто во всем Норрботтене не прочел. Во всяком случае, никто, кроме нее, не брал ее ни в одной библиотеке региона, это Астрид проверила. Но «Лолита», само собой, удачный выбор, даже несмотря на

убогость перевода — прежде всего потому, что ее можно было достать в пяти экземплярах. Текущая проза Набокова и витиеватая игра слов оказались выше всяких похвал, оригинальные французские отсылки, масса безумных ассоциаций: ведь роман в романе был написан в дурдоме. Ясное дело, он вышел немного сразу.

Она уселась за письменный стол в уголке за стеллажом со словарями и справочниками, достала пенал и свои записи. Осталось не так много контрольных, сегодняшняя по машинному счету — одна из последних, и работа на лето уже найдена, однако Карина стремилась заполучить пятерки по всем предметам. Двухлетнюю программу по продажам и офисной работе она выбрала из-за длительной практики в разгар учебы, хладнокровно рассчитав, что таким образом обеспечит себе работу сразу по окончании, и это сработало. Все лето ей предстоит работать на коммутаторе муниципалитета практически самостоятельно.

На ее специализации изучали офисную работу с упором на расчеты, где много места уделялось использованию вычислительных машин, как электрических, так и ручных, а также калькуляторов и бухгалтерских машин: пришлось научиться скоростной печати на клавиатуре, высчитывать скидки и надбавки, освоить расчет заработной платы, процентов, ренты, обмена валюты, сумм по накладным и инвентаризации. И все это оказалось легче легкого.

Пробежав глазами свои записи, она отметила, что все прекрасно знает наизусть. Тогда она достала из сумки роман, закрыла глаза и стала представлять себе все те места,

которые Лолита и Гумберт посетили в своей поездке по США: Новый Орлеан, Поплар Коув, Малое Айсберговое Озеро, Коулмонт, Теннесси... Она разыскала их все в своем красном атласе — или, по крайней мере, попыталась, некоторые поселки оказались настолько крошечные, что их там не указали.

Однажды она съездит туда. Скоро, совсем скоро она вырвется из тюрьмы и отправится куда захочет, в любую точку мира.

Карина открыла роман наугад. Положила палец на середине правой страницы и широко раскрыла глаза, чтобы прочесть отрывок, который для нее выбрали случай вместе с подсознанием.

«Но не скажется ли это впоследствии, не напортил ли я ей как-нибудь в ее дальнейшей судьбе тем, что вовлек ее образ в свое тайное сладострастие? О, это было и будет предметом великих и ужасных сомнений!»¹

Может ли сладострастие управлять судьбами?

Если бы она знала.

Девочки, входившие в читательский клуб, с первого класса учились в одном классе. Трое из них — Биргитта, Сусанна и Агнета — до школы посещали ту разновидность детского сада, которая была доступна в материковой части Норрботтена в 1960-х годах: частную няню по имени

¹ Цитируется по изданию: Владимир Набоков. Лолита. М., «Художественная литература», 1991, авторский перевод с английского, с. 34.

Сигрид Киннунен. Им разрешалось играть в гостиной, но не подниматься на второй этаж.

Читательский клуб возник тогда, когда девочки пошли в седьмой класс, где у них появился предмет под названием «работа по выбору». В рамках этого предмета предлагалось выбрать область для «изучения» из весьма широкого спектра занятий, начиная от рыбной ловли и народных танцев до быстрого приготовления оригинальных блюд. Самый престижный — с большим отрывом — вариант проходил под рубрикой «литературоведение», и среди всех старших классов Кварндаммской школы данный предмет выбрали только пять человек. Символическая ценность этого выбора оказалась велика. Добровольно подвергнуться литературным дискуссиям на последней паре во вторую половину дня в пятницу — это заставляло других учеников, но особенно учителей, останавливать взгляды на головах пяти девушек, приписывая им особую старательность, даже, возможно, интеллектуальность. Само собой, в их сторону полетело несколько нахальных комментариев с упоминанием слова «зубрилка», но в целом их не стали дразнить. Вероятно, из-за того положения, которое занимали их родители, или же, возможно, из-за их привлекательной внешности. По тем временам они все как на подбор были красавицы.

Карина питала самую большую страсть к чтению. Проглатывала книги, как другие поедают лепешки.

Биргитта, мама которой работала врачом в Питео, а папа возглавлял ракетную базу, была самой амбициозной из всех.

Сусанна записалась в клуб, потому что там были Биргитта и Карина.

Агнета мечтала стать писательницей, так что во всех четырех случаях выбор «литературоведения» выглядел логичным и понятным.

Что же касается Софии, то здесь все казалось довольно туманным. Почему она выбрала именно «литературоведение», а не «цвет и форму», например, так и осталось для остальных загадкой. Их общее мнение, никогда не произносимое вслух, сводилось к тому, что за нее решили родители. Ее папа был, как уже сказано, главой муниципалитета Стентрэска и к тому же заместителем председателя в исполнительном комитете социал-демократической партии — ее могучем внутреннем органе.

Таким образом, ходить в читательский клуб «Поплярный круг» оказалось занятием вполне престижным, и когда это дошло до остальных учеников школы и они осознали, что тоже могли бы улучшить успеваемость, записавшись в клуб, члены клуба решительно отвергли все заявки. Если другие хотят изучать «литературоведение», то пусть создают свой читательский клуб, а не примазываются к чужому.

Так все началось, в таком же духе и продолжилось.

Девочки читали по книге в неделю и обсуждали ее на основании нескольких заданных критериев на последнем уроке недели, по очереди ведя протокол. С самого начала выбирали высокохудожественные произведения, за

некоторым исключением. Иными словами, когда произведения предлагали Сусанна или София, то это чаще оказывались книги Кэролайн Кин и Джеки Коллинз.

Тот из членов кружка, кто предложил обсуждаемую книгу, и вел заседание, начинал с краткой презентации книги и своих впечатлений в целом, а затем все по кругу высказывали свои соображения. Затем приступали к обсуждению различных деталей и позиции автора — часто это бывали романы, но не только они.

Таким образом, девочки из читательского клуба «Полярный круг» прошли все старшие классы общеобразовательной школы с очень высокими оценками, за исключением Агнеты, у которой была пятерка по шведскому, но средний балл всего 2,9. Когда библиотекарь Астрид предложила им продолжать свои встречи и после того, как все они поступили в разные гимназии, девочки без колебаний дружно согласились, однако решили встречаться реже — раз в месяц, учитывая возросшую учебную нагрузку. Насколько она в действительности возросла, можно еще обсуждать, но это совершенно отдельный вопрос.

Однако со временем блеск и сияние читательского клуба «Полярный круг» померкли. Другие ученики больше не просились в клуб. Теперь у них появились новые учителя, а у их старых учителей появились новые талантливые ученики. Да и различия между самими девочками стали отчетливее. Компания, сложившаяся еще с детства, начала распадаться.